

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ
МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА

Перевод с древнегреческого

Л. А. Ельницкого

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПЛУТАРХ

НАСТАВЛЕНИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ

Политическое учение Аристотеля, как известно, приобрело в истории государственных теорий не меньшее значение, чем учение Платона. При этом в школе перипатетиков, в отличие от ученых последователей Платона по Академии, развивалось именно направление политической практики, в качестве представителей которого должен быть назван Теофраст и его сочинение «О действительной политике» и Аристон Теосский — «О (политических) ораторах». Оба эти сочинения оказали, видимо, существенное влияние на Плутарха, судя по тому, что в своих политических трактатах он уделяет много внимания ораторскому искусству политических деятелей, а о сочинении Теофраста им был написан специальный трактат: *Περὶ Θεοφράστου [Πολιτικῶν] πρὸς τοὺς καίρους*. И в своем трактате «Наставления по управлению государством» Плутарх ставит перед собой преимущественно чисто практические проблемы политической деятельности, в осуществлении которой он отводит очень значительное место государственным мужам как политическим ораторам и администраторам.

Среди дошедших до нас сочинений Плутарха на политические темы названный трактат теснее всего соприкасается с другим его трактатом — «Следует ли старцу управлять государством?», написанным, вероятно, под влиянием сочинения Аристана Кеосского «О старости». Если Плутарховы «Наставления по управлению государством» дают преимущественно практические указания людям, готовящимся к политической карьере, и перемежаются разнообразными и многочисленными примерами поведения знаменитых государственных мужей Греции, Рима, отчасти древнего Ирана, то трактат о политической деятельности в старческом возрасте помимо примеров и наставлений содержит целый ряд общих соображений и представлений о морально-философских устоях политической деятельности, коренящихся, с одной стороны, в глубоких исторических традициях, с другой, — в гуманизме, пацифизме и милосердии — чувствах, к которым не могло не обращаться сознание образованного и исполненного нравственной ответственности грека в эпоху безраздельного римского господства над всем доступным античному сознанию миром.

Историческая традиция, одобренная, быть может, даже и в большей мере, чем это подлежало критическому осмыслению, мифическими и социально-утопическими идеями на мотивы сказочного Кроносова царства как идеала всеобщего благоденствия и справедливости, привидела его к принятию царской власти за образец государственной власти вообще. Поскольку ни один царь не покидает трона по возрастному признаку, не должен покидать своего поста по этой причине и избранный магистрат, если народ продолжает облекать его соответственным доверием. На этом осно-

вании Плутарх приходит к выводу, что политическая деятельность пожизненна по своей сути, в частности, потому, что она требует от государственного мужа не физических, а духовных сил, расцвет которых наступает именно в старческом возрасте (*An seni*, гл. 11—17).

«Наставления» не содержат сколько-нибудь пространных рассуждений отвлеченного характера о принципах политической деятельности, а предлагают читателю главным образом чисто практические указания о том, как должен вести себя человек, участвующий в управлении государством, всякого рода исторические примеры, а также и случаи из современной Плутарху политической жизни настолько многочисленны, что придают всему сочинению достаточно своеобразный колорит. Вряд ли какой-либо другой писатель не только древности, но и времен более поздних, мог бы ввести в свое сочинение такое множество и разнообразие исторических примеров, параллелей и анекдотов, как Плутарх. Да и он мог создать эту удивительную мозаику из исторических фактов, биографических подробностей, подобранных к случаю сентенций, острот, поэтических иллюстраций лишь в последний период своей литературной деятельности, имея за плечами все свои биографии царей, полководцев, ораторов и других государственных деятелей от времен мифических и почти до своих собственных дней, а также сборники изречений и анекдотов, связанных с наиболее известными историческими именами ¹.

Названные трактаты об управлении государством хотя и привлекают исторические данные о прошлом Рима, Карфагена, Ирана, все же лишь иллюстрируют и подкрепляют мысли автора, имеющего в виду в качестве своего непосредственного предмета греческую государственность и греческие полисы. Сочинения эти вовсе не преследуют собственно исторической цели. Они обращены к современникам и соотечественникам, к лицам, занятым политической деятельностью или претендующим на таковую и к ней готовящимся. Советы и указания Плутарха имеют, таким образом, чисто практическое назначение — обстоятельство, не могущее не вызвать некоторого недоумения, поскольку все те полисы, которые имеет в виду Плутарх, и все их греческие магистраты являлись в сущности лишь марионеточными политическими структурами и фигурами, исполнявшими свои, как признает и сам Плутарх, нередко далеко незавидные роли под римским сапогом, а то и под римским топором, фатально нависшим над их головами (гл. 17, 813 F).

Плутарх отнюдь не старается скрыть эти обстоятельства, и поэтому необходимо допустить, что ему и самому была хорошо ясна противоречивость и двусмысленность его позиции, чтобы не сказать — и ее фальшивость. Выступая с политическими советами, обращенными к греческим магистратам городов, не только входивших в римскую провинцию Ахайю, всецело подчиненных ее проконсулу и его функционерам, но также и к политическим деятелям греческих центров других провинций, в частности — Азии, Плутарх не забывает напомнить своему читателю, что любое мероприятие греческого магистрата может быть когда угодно отменено, а сам магистрат без долгих разговоров заменен другим лицом (гл. 17, 813 F). Для вящего устрашения он даже приводит на память случай жесточайшего обращения Суллы с латинскими пренестинцами только за то, что этот город послужил резиденцией его врага Мария, и умоляет богов о том, чтобы подобная судьба не постигла его соотечественников (гл. 19, 816A).

¹ В связи со всем этим «Наставления» относятся к позднему периоду литературной деятельности Плутарха и датируются обычно 110—115 гг. См. C. M i t t e l h a u s, *De Plutarchi Praeceptis gerendae Reipublicae*, B., 1911; B. L a v a g n i n i, *A proposito dei precetti politici di Plutarco*, Pisa, 1929; K. Z i e g l e r, *Plutarch von Chaironea*, RE, Bd. XXI, 1964, стб. 846 слл.

Он даже порицает тех незадачливых греческих политических ораторов, которые в своих декламациях вызывают память о великих военных подвигах прошлого, совершенных греческими полководцами, полагая, что обстоятельство его времени делают неразумным подобное возбуждение воинственного духа у греческих сограждан. Гораздо уместнее, по его мнению, было бы напоминание об актах великодушия и миролюбия.

Но так как он и сам неизбежным образом обращается то и дело к героическому прошлому своего народа, сообщая о том, как вели себя в тех или иных случаях Мильтиад, Фемистокл, Перикл и другие знаменитые деятели древней Греции эпохи ее расцвета и независимости, то чувство несоответствия всего этого греческому сознанию времен римского владычества невольно передается и нам. Однако нас — людей нового времени — не может не удивлять при чтении Плутарховых «Наставлений» их значительная откровенность в оценке римских порядков в Греции, поскольку это свидетельствует об определенной терпимости римских верхов, отнюдь, видимо, не ставивших Плутарху в строку его рискованных заявлений.

Впрочем, до нашего времени дошли и гораздо более резкие инвективы в адрес римских поработителей, исходившие из среды если не собственно греков, то во всяком случае людей греческой культуры на Ближнем Востоке. Из всего этого надо заключить, что римская администрация, остро реагировавшая на выступления против римлян с оружием в руках, равнодушно воспринимала литературную критику и словесные инвективы. Тем более, что Плутарх, пользовавшегося расположением римских общественных верхов, никак нельзя считать последовательным недоброжелателем римлян². В этом же трактате он отмечает, напротив, что римское завоевание принесло Греции избавление от внешних войн и внутренних неурядиц (гл. 32, 814А — С).

Плутарх, констатируя полную невозможность для греческих государственных деятелей проводить самостоятельную политику, негодует по поводу попыток тех или иных из них использовать личные связи с представителями римской администрации для каких-либо своих выгод. Но, с другой стороны, он воздает хвалу таким людям, как историк Полибий и стоический философ Панетий, использовавшим дружеские отношения со Сципионом Африканским на благо своих родных общин³.

Судя по советам, высказанным в «Наставлениях», и по приводимым в них оценкам тех или иных деятелей разных политических направлений, Плутарх полагал себя сторонником умеренных политических программ и мягких, гуманных действий, независимо от того, были ли олигархами, тимократами или крайними демократами их исполнители. В этом отношении его можно назвать последовательным перипатетиком, поскольку Аристотель также считал, что любой способ правления может быть хорош или

² Плутарх провел в Риме довольно продолжительное время, побывав там дважды, но как долго — точно не известно (RE, Bd. XXI, стб. 818 сл.). Он общался с широким кругом лиц, философски образованных, а также и высокопоставленных в обществе и при императорском дворе, в частности с Месторием Флором, приближенным и другом Веспасиана, а позднее с Созием Сенеционом, заметной фигурой эпохи императора Траяна.

³ В этой связи Плутарх не сообщает ничего о себе лично, хотя, казалось бы, и его римские связи позволяли ему употребить свое влияние подобным же образом. Зато легенда обыграла это обстоятельство и породила сообщение, которым воспользовался Евсевий Кесарийский, поместивший в своей Хронике (под 119 г.) указание о присвоении Плутарху достоинства консула. Сообщалось также и о распоряжении императора (Траяна или Адриана), отданном якобы управителю Иллирика о том, чтобы в отношении Ахайи не предпринималось решительно ничего, с чем бы был не согласен Плутарх. Именно этот последний штрих и выдает позднее возникновение этой легенды, поскольку подчинение Греции иллирийской администрации стало фактом лишь после образования Иллирийского диоцеза (в III в.).

плох в зависимости от того, какими средствами он осуществляется; для него была вполне приемлема гуманная тирания и неприемлема крайняя и грубая, не стесняющаяся в средствах демократия. Так же Плутарх ненавидит и презирает Клеона, принимая Клеомена III и Гракхов, отвергает Набиса и Мария, отвергает друзей и учеников Платона, совершавших из идейных побуждений политические убийства.

Плутарх не занимал высоких политических постов на своей родине ⁴, но, исполняя должности коммунального характера по надзору за чистотой и благоустройством в городе, он подчеркивает в «Наставлениях», что принятие на себя подобных функций отнюдь не является унизительным для кого бы то ни было. Любую должность можно исполнить с такой честью, что от этого возвысится и самая должность. И когда Плутарх сообщает, с каким гражданским достоинством он исполнял обязанности телеарха (надзирателя за уборщиками мусора?), в его словах звучат чисто кинические нотки, сознание чего, видимо, было ясно и ему самому, поскольку он вспоминает при этом именно о случае, связанном с родоначальником кинизма — Антисфеном.

Жрец в храме дельфийского Аполлона, Плутарх был проникнут глубокой религиозностью также применительно и к гражданским обязанностям. Полагая ораторскую трибуну алтарем Зевса Булея и Полиэя, а также Дике и Фемиды — божеств совета, общественного долга и справедливости — он считает внутреннюю ответственность перед этими всенародными божествами защитой против всякого рода бесчестных и преступных помыслов, несовместимых с общественной деятельностью (гл. 4, 800BC). Деятельность эта мыслится им как высокий моральный долг, осознанию которого политический деятель подчинен денно и нощно, внутренне обязанный приходить на помощь своим согражданам с меньшим рвением и усердием, чем врач к больному. Государственное лицо должно чувствовать себя как бы всегда находящимся на ораторской трибуне, а не только тогда, когда оно в действительности обращается к народу с очередной речью.

Пестрота имен и связанных с ними исторических анекдотов, как было сказано, заимствованных Плутархом из им же самим составленных жизнеописаний и апофтегм, могли бы, вероятно, утомлять читателя «Наставлений», если бы Плутарх не позаботился придать им незаурядную по живости и литературной впечатляемости форму. Живости и художественной выпуклости его рассказа не мешает даже и то, что некоторые мысли и факты повторяются по нескольку раз лишь с незначительными вариантами — в особенности это относится к определениям и детализациям моральных норм поведения правительствующего лица, что в сущности и является главной темой этого сочинения, которую автор варьирует на разные лады и применительно к разным случаям и ситуациям, возможным в общественной практике.

Много внимания уделено им ораторскому искусству политического деятеля, которое не должно соответствовать витиеватому красноречию записного ратора, а призвано обладать деловитостью и идущей от разума убедительностью. Только такое красноречие способно повести за собой массы. Для вящей убедительности своих доводов Плутарх употребляет различные броские метафоры и художественные сопоставления. Как истинный грек-мореход, он неоднократно обращается к предметам, связанным с мореплаванием. Тут и навигационная техника, и способы судовождения, и рули, и паруса, и якоря, и кораблекрушения. Сопоставление отвлеченных представлений из области политики со всеми этими конкретностями

⁴ Впрочем, он сам упоминает (гл. 20, 816 D) об участии в посольстве к проконсулу провинции Ахайи.

очень оживляет и драматизирует его изложение. Метафорические и параболические фигуры у Плутарха весьма разнообразны: то это примеры или случаи из области медицины, а то из области пчеловодства, хорошо ему видимо знакомого; к нему он обращается несколько раз, сравнивая гражданскую общину с пчелиным роем, а правителя — с пчелиной маткой. Особенности поведения пчел используются Плутархом применительно к тем или иным обстоятельствам общественной жизни греческого города и его политических деятелей, свидетельствуя о хорошем знании им этого предмета. Еще большее количество сопоставлений заимствует Плутарх из области театрального искусства, атлетических состязаний, гимнастических игр. Поскольку все это рассчитано на восприятие и оценку рядового читателя, образованный грек эпохи империи предстает достаточно разносторонним человеком, для которого столкновения всех этих разнообразных предметов и идей из разных областей ведения не выглядели чисто риторическими фигурами. Обилие поэтических цитат, заимствованных из многих разновременных произведений различных литературных жанров, опять-таки предполагает в читателе «Наставлений» достаточно искусного в этой области и чуткого к поэзии человека ⁵.

Этическое содержание «Наставлений» создает идеальный образ греческого политического деятеля времен подъема Римской империи, приближающийся к образу киническо-стоического философа типа Эпиктета или раннехристианского апостола паулинистского толка. Это содержание и делает «Наставления» оригинальным вкладом в литературу. Близкие по социально-этическим идеям стоическо-киническим сочинениям, они являют известное своеобразие, преимущественно за счет материала исторических анекдотов ⁶. Перевод исполнен по изданию: *Plutarch's Moralia with an English Translation by H. N. Fowler*. v. X. L., 1960 (The Loeb Classical Library). Из этого же издания заимствованы конъектуры и разночтения, установленные авторами предшествующих изданий «Моралий»: *Plutarchi Chaeron. varia scripta quae Moralia vulgo dic.* 12 vol. ed. a G. Xylandro, Basiliae, 1574; *Plutarchi quae supers. omnia.* 12 vol. ed Y. I. Reiske, Lipsiae, 1774—82; *Plutarchi... Moralia. Graeca emend.* D. Wittenbach. 8 vol. Oxonii, 1795—1830; *Plutarchi Chaeron. Moralia. Recogn.* G. N. Bernardakis. 9 vol., Lipsiae, 1886—1896; S. C. Larsen, *Studia critica in Plutarchi Moralia*, Haunial, 1889. Многие другие не отмеченные в примечаниях к нашему переводу конъектуры и разночтения читатель найдет в примечаниях к греческому тексту издания Фаулера.

ПЛУТАРХ

НАСТАВЛЕНИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ

PRAECEPTA GERENDAE REIPUBLICAE

1. Слова эти, милый Менемах ¹—

«Речи твоей ни один не осудит из этих ахейцев,
Слова напротив не скажет; но речь до конца не довел ты» ².

В — приложимы быть могут ко многим, но более всего к философам, произносящим разные добрые увещания, но такие, которые ничему не учат и ничего определенного не внушают. Философы эти

⁵ F. F u h r m a n n, *Les images de Plutarque*, P., 1964, стр. 101 сл.

⁶ D. B a b u t, *Plutarque et le Stoïcisme*, P., 1969, стр. 318 сл.

¹ Лицо, которому Плутарх посвятил этот трактат.

² Н о м., II., IX, 55 sq.

подобны людям, чистящим светильники, но не наполняющим их маслом.

И вот, так как я вижу, что ты, соответственно твоему благородному происхождению, стремишься служить своему отечеству —

«И в словесах, как вития, вершитель и дел преотменный»³,

С — и так как у тебя не было случая наблюдать преданного философии мужа, занятого на общественном поприще выполнением государственных дел и разрешением общественных конфликтов, чтобы стать тебе самому участником этого рода действий, а не слушателем одних лишь политических речей; и так как ты для этого хотел бы получить наставления о том, как вести государственные дела, то вот я полагаю, что мне не подобает отвечать тебе отказом. Пусть же этот предмет столь же соответствует твоей любознательности, как и моему усердию.

Я соответственно твоим просьбам использовал в особенности разнообразные примеры.

2. Первое условие, определяющее государственное управление, как бы его прочное и надежное основание, состоит в том, что принимаемые решения должны исходить от соображений, возникающих из спокойных рассуждений, а не из пустых и честолюбивых побуждений, вызываемых жаждой славы, или из недостатка каких-либо других дел. Ибо как некоторые люди, не имеющие у себя дома серьезных дел, проводят чрезмерно много времени на агоре, когда в том нет нужды, точно так же существуют и люди, которые лишь от безделья посвящают себя общественным делам, обращая политическую деятельность во времяпрепровождение. Многие, случайно ввязавшиеся в государственные дела, даже если и чувствуют, что с них уже довольно, высвобождаются из этих дел с трудом. С ними происходит то же, что с людьми, севшими в лодку, чтобы покататься на волнах, и увлеченными от берега в открытое море. Терзаемые морской болезнью, бросаемые туда и сюда, смотрят они на далекий берег, но должны покориться своей судьбе.

«На светлой морской глади

Им предшествуют прекрасные эроты.

Корабельные весла гnevят морские пучины»⁴.

Е Такковы эти люди, бесчестящие служение государству, в раскаянии и огорчении, ибо они против всех своих надежд стали жертвами презрения или же попали в положение, полное опасностей и беспокойства, между тем как ожидали, что у власти они смогут сделаться устрашающими для других. Но тот, кто работу для общества предпринимает в полном сознании как наиболее подходящую и прекрасную задачу, ничего не уstraшит в своей деятельности и не будет ничем отвращен от своих намерений. Ведь не для того же, чтобы разбогатеть и выслужить денег, следует приниматься за общественные дела, подобно Стратоклу и Дромоклиду⁵, которые призывали друг друга к «золотой жатве»⁶,

³ Н о т., II., IX, 443.

⁴ Отрывок приписывают Симониду Кеосскому (V e r g k, III, p. 396, fr. 42D).

⁵ Беспринципные афинские политические ораторы эпохи Демосфена. О Стратокле см. ниже, гл. 3. Дромоклид в особенности лебезил перед Деметрием Полиоркетом. См. P l u t., Demetr. 12 sq.; 34.

⁶ ἑῖρος. Кл. Сальмазий читал δῆρος, т. е. «руно».

как они насмешливо именовали свою деятельность на ораторской трибуне.

Не следует также давать себя увлечь нахлынувшему внезапно страстному порыву, подобно Гаю Гракху. Ведь покуда память о несчастной судьбе его брата была еще свежа, он избегал публичности, но когда издевки и оскорбления повергли его в пламенный гнев, ринулся он в политическую борьбу. Он быстро почувствовал пресыщение делами и славой и искал возможности положить всему этому конец, ощущая потребность в другой, более спокойной жизни, но он не видел никакой возможности сложить с себя ставшую слишком громоздкой власть, покуда его не настигла преждевременная гибель.

799 А

Так всякий, кто готовит себя, как актеры перед зрелищем, к этой борьбе за первенство или за славу, неминуемо испытает раскаяние. Ибо он или сделается рабом тех, над которыми хотел властвовать, или должен будет враждовать с теми, которым желал быть приятен. Политическую деятельность я вернее всего сравнил бы с колодцем: кто падает в него неожиданно, того охватывает испуг и растерянность, но кто опускается в него с необходимыми предосторожностями и сноровкой, те найдут способ действовать сообразно обстоятельствам, и их ничто не смутит, так как целью всей их деятельности является только лишь общественная польза.

В

3. Утвердившись неколебимо в собственном решении, необходимо прежде всего распознать душевное расположение своих сограждан; какие чувства в них заметнее и сильнее? Ибо пытаться разом облагородить характер своего народа представило бы собой трудную и опасную задачу. На это потребовалось бы долгое время и значительные усилия. Как, скажем, вино сначала подчиняется натуре пьющего, а затем начинает ее изменять, постепенно согревая его и расслабляя, так же точно должен государственный деятель, покуда ему слава и доверие не обеспечат власти над руководимыми, подделываться к ним и действовать с оглядкой, как хороший знаток того, что им приносит радость и чем они, по своему характеру, позволяют собой руководить.

С

Так афиняне столь же легко дают себя привести в состояние гнева, как и быть подвигнутыми к состраданию; они скорее готовы выказать недоверие, чем спокойное внимание; они охотно бывают готовы помочь неизвестным и ничтожным людям и легко приходят в хорошее настроение, предпочтительно от задорных и веселых слов. Кто их восхваляет, доставляет им наибольшую радость; тот же, кто их бранит, вызывает в них полнейшее равнодушие. Они способны внушать страх даже своим правителям и проявлять человеколюбие даже в отношении своих врагов. Совершенно не таков нрав карфагенян. Мрачные и злобные, они покорны своим правителям, невыносимы для своих подданных; бесчестнейшие в страхе, дичайшие в гневе, они упорно отстаивают любые свои решения; грубые, они невосприимчивы к шутке и тонкостям. Они бы не повскакали (как афиняне) с мест, смеясь и аплодируя, если бы Клеон ⁷ их попросил отложить народное собрание, так как он

D

⁷ Известный афинский политический деятель V в. до н. э. Приписываемое Клеону Плутархом неумение руководить военными делами совершенно не соответствует действительности и объясняется лишь политической позицией последнего. P l u t., Per. 33, 35; T h u c., III, 36; V, 3 sq.

только что совершил жертвоприношение и хочет принять гостей ⁸. Так же точно они не бросились бы ловить Алквиадову перепелку, когда она однажды во время его речи вылетела из-под одежды, чтобы ему ее возратить ⁹. Того и другого они бы, наверно, скорее предали казни за надменность и необузданность. Ведь изгнали же они Ганнона ¹⁰, который в походе навьючил на льва свой багаж, обвиняя его в тиранических устремлениях. Я полагаю, что даже фиванцы сочли бы превыше своих возможностей оставить нескрытым письмо своего врага, как однажды поступили афиняне: когда они задержали нарочного македонского царя Филиппа с письмом к его жене Олимпиаде, они его не распечатали, дабы не предавать гласности сокровенные слова любви, издалека обращенные мужем к своей жене. С другой стороны, я не думаю, чтобы афинянам могли понравиться высокомерие и гордость Эпаминонда, когда он, не пожелав дать объяснений по поводу возведенного на него обвинения, поднялся и через собравшуюся в театре толпу направился прочь, в палестру. Так же навряд ли смогли бы спартанцы перенести дерзкую шутку Стратокла, который побудил афинян ложным сообщением о победе к совершению торжественного жертвоприношения, а потом, после полученных известий о понесенном в действительности поражении, в ответ на упреки спросил, неужели мог он досадить тем, что доставил им трехдневную радость и ликование? Конечно, ловкие царедворцы подлаживаются к государям, стараясь, подобно птицеловам, подражать их голосу и их повадкам. Так посредством обмана добиваются они царской дружбы. Но государственный деятель должен остерегаться подделываться под особенности своего народа. Знать он их, разумеется, должен, чтобы представлять себе, как с какою легче сладить. Ибо незнание народного характера влечет за собой ошибки и заблуждения в гражданских делах не менее опасные, чем при обхождении с царем.

4. Только лишь когда, вознесенный доверием народа, станешь ты обладателем власти, следует сделать попытку повлиять на своих сограждан, приводя их понемногу к лучшему и бережно руководя. Трудное это дело — изменить настроение народа. Но прежде ты сам должен дать твоему нраву улучшиться до благородной зрелости, ибо тебе придется, точно в широком полукруге театра, проводить свою жизнь на глазах у толпы. Если же окажется свыше твоих сил искоренить совершенно пороки твоей души, то твоя обязанность — обрубить хотя бы самые заметные из недостатков. Ты же знаешь, — когда Фемистокл принял решение посвятить себя политической жизни, он отказался от веселых попок и ночных сборищ и проводил ночи без сна в заботах о государстве, говоря своим друзьям, что Мильтиадов трофеей не дает ему спать. Точно так же произошла перемена в жизни и в поведении Перикла. Он приучил себя к размеренной походке и к спокойной речи, он показывался на людях только с серьезным лицом, руки держа под

⁸ Ср. несколько более подробное изложение этого эпизода у Плутарха в биографии Никия, гл. 7.

⁹ Из Плутарховой биографии Алквиада (гл. 10) известно, что ее поймал кормчий Антиох, проигравший впоследствии сражение при Нотии.

¹⁰ Карфагенский полководец, сын Гамилькара I (быть может, идентичный автору «Перипла Ганнона»), вождь склонявшейся к миру группировки, когда он в 218 г. до н. э. выступил против замыслов Ганнибала. Об эпизоде со львом см. P l i n., NH, VIII, 24, 2.

плащом; знал он только одну дорогу — на ораторскую трибуну и в Совет.

Народом ¹¹ управлять нелегко, и он не позволяет кому угодно подчинить себя спасительной узде. Достигнуто уже многое, если он позволяет собой руководить, не приходя в возбуждение от взгляда, от слова, подобно хитрому и подозрительному зверю. И если уж не должно пренебрегать подобными мелочами, то не важнее ли окажутся более серьезные заботы о том, чтобы поведение и моральный облик государственных деятелей оставались не подвержены укорам и порицаниям? Ведь они несут ответственность не только за свои слова и общественные дела; даже их пища будет привлекать любопытные взгляды, даже их постель, их супружество — все, что они ни делают в шутку или всерьез. Об этом свидетельствует история Алкивиада. Он был блестящим деятелем, непобедимым полководцем, но его легкомыслие и невоздержанность привели к его падению, а при его расточительности и неуравновешенности все его выдающиеся способности оказались бесполезны для государства. Те же самые афиняне ставили в упрек Кимону его склонность выпить, а римляне Сципиону — его склонность поспать, потому что они не могли придумать в отношении них ничего другого. А над Помпеем его враги потешались из-за того, что он чесал в голове только одним пальцем.

Подобно тому, как веснушки и бородавки на лице представляются более неприятными, чем родинки, увечья и рубцы на других частях тела, так же точно мелкие ошибки кажутся большими, когда их находят в жизни правителей или государственных мужей. Ибо толпа полагает, что управление и руководство государством столь величественны, что они должны быть свободными от всяких изъянов и недочетов. Недаром слова народного трибуна Ливия Друза получили такое одобрение: так как соседи могли с разных сторон заглядывать внутрь его дома, один строитель предложил ему устранить этот недостаток посредством перестройки стоимостью в пять талантов, но Друз ответил: «Возьми десять и сделай мой дом открытым насквозь, чтобы все мои сограждане могли видеть, как я живу». Ибо он был разумным и благонамеренным человеком. Но, вероятно, вовсе и не нужно, чтобы дом был прозрачным, потому что народ насквозь видит манеры своих государственных деятелей, их намерения и дела, так же как их жизненные правила, сколь бы глубоко скрытыми они ни представлялись. Он любит и ценит кого-либо из них не меньше за его частную жизнь, чем за общественную деятельность, так же как другого кого-либо презирает и ненавидит.

Можно было бы заметить, что государственная власть все же попадала в руки людей изнеженных и невоздержных. Бывает ведь, что беременные женщины испытывают тягу к поеданию камешков, а люди, страдающие морской болезнью, — к соленой и другой подобной еде, с тем чтобы после того отвернуться от нее с отвращением. Так же могут, конечно, и полисы из тщеславия или презрения или ввиду отсутствия более подходящих вождей воспользоваться услугами первых встречных, даже если они их считают противными и презренными. А потом радуются, когда слышат о них издевательства, какие комик Платон ¹² влагает в уста народа:

¹¹ Чтение Бернардакиса, в рукописях $\delta\chi\lambda\omicron\varsigma$ или $\delta\chi\lambda\omicron\upsilon$.

¹² Комедиограф эпохи древней аттической комедии (428—390 гг. до н.э.). Яркий поборник демократии в Афинах (D e m., XXIV, 134).

Схвати-ка ты меня скорее за руку —
Она избрать готова уж Агиррия! ¹³

А еще у него народ требует лохань и перо, чтобы вызвать рвоту из-за того, что

Стоит здесь Мантий предо мной на кафедре...

или

Вонючего Кефала кормит лишь — чуму последнюю ¹⁴.

И когда Карбон ¹⁵ дал римлянам обещание, сопровождаемое присягой и заклятием, они выразили ему полнейшее недоверие.

С Когда однажды в Спарте некий гуляка по имени Демосфен ¹⁶ внес разумное предложение, народ его отклонил. Но эфоры отдали приказание одному из геронтов, назначенных ими по жребию, внести то же самое предложение, чтобы сделать его приемлемым для народа, этим они как бы его перенесли из грязного вместилища в чистое. Такое значение в политической жизни приобретает уверенность в способностях, в наклонностях и личном обаянии.

5. Однако по этой причине еще не следует исключительное значение придавать добродетели и преуменьшать из-за этого прелесть и могущество ораторского искусства. Разумеется, это искусство не следует считать творцом убеждения, но скорее его помощником; именно таков будет правильный смысл слов Менандра:

В ораторе способность убеждает, а не слово ¹⁷.

Конечно, убеждает способность, а не только слово: нельзя ведь сказать, что именно руль, а не рулевой направляет корабль, и именно узда, а не всадник правит лошастью! Конечно, Зевс свидетель, необходимо утверждать, что искусство государственного управления основывается на принципах, а не на словах (как на руле или на узде), чтобы иметь возможность направлять и вести, подобно рулевому, свой народ — самое изворотливое из всех животных, как говорит Платон ¹⁸. Но даже великие «богородные» гомеровские цари, во всей их роскоши и великолепии, в пурпуре и со скипетрами, со свитой и с оракулами богов, во всем блеске их величия, стремясь повелевать толпою, хотели сверх всего быть «витиями в словах» и не забывали о прелести речи.

И на советах, где мужи к блистательной славе приходят ¹⁹,
Е они призывали не только Зевса Булея, не только Ареса Эниалия и Афины Ратную, но и Каллиону ²⁰, ибо

Шествует следом она за царями, достойными чести ²¹,

¹³ Политический деятель в Афинах V в. до н. э., ставший предметом нападок сочинителей комедий. Известно, что он восстановил феорикон и повысил жалование эклесиастов. К о с к, I, p. 652, № 185; ср. A r i s t o p h., *Plut.* 176.

¹⁴ Мантий и Кефал — афинские политические деятели первой половины IV в. до н. э., вызывавшие нападки комедиографов (D e m., XXXIX, 3, 27); Κεφαλος — гончар и сын гончара, ср. A r i s t o p h., *Escl.* 752.

¹⁵ Римский политический деятель. Его третье консульство имело место в 82 г. до н. э., во время борьбы Суллы и Цинны.

¹⁶ Другое чтение Τιμοσθένης (Magwig).

¹⁷ К о с к, III, p. 135, № 472, fr. 291.

¹⁸ *Krit.*, 109 с.

¹⁹ Н о м., II. IX, 441—443.

²⁰ Муза эпической поэзии.

²¹ H e s i o d., *Theog.* 80.

и со спокойным убеждением утихомиривает упрямство и сварливость народа.

Было ли бы мыслимо, чтобы кто-то не именитый и просто одетый захотел бы управлять государством и мог бы подняться к господству над толпою, не обладая покоряющей и увлекающей властью речи? Кормчие имеют себе в подмогу на корабле командира гребцов, а управитель государством должен в себе самом находить рассудок, в себе самом — зажигающее слово, чтобы не нуждаться ни в чьем голосе и не быть вынужденным сказать, как Ификрат, которого Аристофонт²² победил в словесном состязании: «У противника лучше актер, а у меня — драма». Или ему бы пришлось повторить слова Эврипида:

802A

Ах, был бы нем несчастный род людской!²³

и еще:

Когда бы роду смертных стали голоса
Вещей понятны — ни к чему б тогда ораторы²⁴.

Подобные увертки были бы подходящи, может быть, для Алкамена, Несиота, Иктина²⁵, и для всех других грубых рабочих и ремесленников, не имеющих никакого понятия об ораторском искусстве. Когда однажды в Афинах два архитектора оспаривали перед народным собранием государственный подряд, один из них — пройдоха и мастер поговорить — произвел на народ сильное впечатление прекрасно подготовленной речью о будущем своем произведении, тогда как его соперник, способный мастер, но никакой не оратор, в ответ сказал: «Афинские мужи, он вам это рассказал, я это сделаю». Ибо Эргану²⁶ — богиню ремесленного труда — почитают, как сказал Софокл²⁷, только лишь люди, обрабатывающие безжизненное железо, подчиняющееся «на наковальне молоту тяжелому». А тот, кто вещает во имя Афины Полиады²⁸ или Булейи Фемиды²⁹,

В

Соединяющей или же разъединяющей мужей,
Строгой богини...³⁰,

тот обладает только одним инструментом — речью. Ею он то сглаживает и соединяет, то разбивает и заравнивает все, что в его деятельности стоит у него на дороге как сучки в древесине или трещины в железе; и этим он создает порядок в государстве. Поэтому власть Перикла, как говорит историк Фукидид³¹, по имени была властью народа, в действительности же правлением, руководимым первым человеком из-за могущества его речи.

С

²² Афинский оратор IV в. до н. э., обвинитель известного стратега Ификрата.

²³ N a u s k, 678, fr. 987.

²⁴ N a u s k, 494, fr. 439.

²⁵ Алкамен (автор «Афродиты в садах») и Несиот (автор «Тираноубийца») — афинские скульпторы V в. до н. э., Иктин — архитектор, строитель Парфенона и мистериального храма в Элевсине.

²⁶ Афина Эргана — покровительница горшечников и каменщиков.

²⁷ N a u s k, p. 309, fr. 760.

²⁸ Богиня-охранительница города и государства, нередко отождествлявшаяся с Афиной Никой. См. L. P r e l l e r — C. R o b e r t, Griechische Mythologie, Bd. I⁴, В., 1894, стр. 216, 3.

²⁹ Богиня-охранительница божественного и человеческого права, обычаев и порядка, у поэтов именовавшаяся Эвбулос и Ортобулос (P i n d., fr. 30; A e s c h i l., Prom., 18).

³⁰ Н о м., Od., II, 69.

³¹ Т h у с., II, 65, 8.

Конечно, Кимон, Эфиальт и Фукидид³² также были способными людьми, но когда спартанский царь Архидам³³ спросил Фукидиду, кто — он или Перикл — лучший кулачный боец, то получил в ответ: «Это неизвестно, ибо когда я его побеждаю в кулачном бою, он оспаривает свое поражение и убеждает зрителей»³⁴. Но это приносило не только³⁵ славу и честь ему самому, но обеспечивало спасение государству. Ибо покидая он управлял им и воздерживался от внешних столкновений, сохранялось его благополучие. Никий преследовал, конечно, ту же самую цель, но ему недоставало силы убеждения, и оттого его речи, в которых он удерживал народ от подобных предприятий, становились слабой уздой, так что он не мог осуществить свою волю. Так, против своей воли он был принужден осуществить сицилийскую экспедицию, в которую кинулся очертя голову. Волка, как гласит поговорка, нельзя удерживать за уши. Но народ и город лучше всего вести именно за уши и не нужно следовать примерам иных карьеристов, которые, не будучи сильны в слове, хватаются за пошлые и негодные средства, угощениями и пожертвованиями служат чреву и кошельку народа, а военными плясками и гладиаторскими играми народ более развращают, чем им руководят. Ибо подлинное руководство народом означает управление им посредством рассудительных слов, в то время как вышеназванные попытки укрощения черни ни в чем не отличаются от охоты на лишенных разума зверей и от обмана.

6. Впрочем, речь политического деятеля не должна быть ни юношески пылкой, ни театральной, как речи парадных ораторов, плегущих гирлянды из изящных и цветистых слов. Но пусть они не заслуживают упрека, брошенного Пифеем³⁶ Демосфену в том, что его красноречие отдаст масляным светильником. Пусть в них не будет тонкостей, свойственных красноречию софистов, пунктуальных доказательств или периодов, растянутых в одну строчку, подобно бечевке. Но как музыканты хотят, чтобы удары по струнам лиры звучали мягко, а не резко, подобно этому речи политического оратора — советника и правителя — должны быть отмечены не грозностью тона и не хитросплетениями. Не следует, чтобы политический оратор заслужил похвалу, как привычный говорун, как ловкий оратор, безупречный диалектик³⁷. Основу его речей должна составлять честная откровенность, истинное достоинство, патриотическая искренность, предусмотрительность, разумное внимание и забота. Было бы желательно, чтобы к благородству взглядов он присоединял изящество речи, подкупая серьезностью выражений, оригинальностью и чистосердечием мысли.

803 А Правда, что политическое красноречие гораздо больше, чем судебное, допускает сентенции, исторические параллели, выдумки и образные выражения, умеренное и уместное употребление которых в особенности хорошо действует на слушателей. Так, один оратор вскричал: «Не лишайте Грецию одного из ее очей»³⁸.

³² Сын Мелесия, афинский политический деятель V в. до н. э.

³³ Архидам II (468—426 гг. до н. э.).

³⁴ Ср. Plut., Per. 8.

³⁵ μόνον, другое чтение μόνον.

³⁶ Афинский политический оратор IV в. до н. э., противник Демосфена.

³⁷ διαρρηκτικός. Буквально: (выражающийся) «расчлененно» — слово, звучащее, быть может, терминологически.

³⁸ Эти слова произнес афинский оратор Лептин, протестуя против разрушения Спарты. A g i s t., Rhetor. III, 1411 A.

Так, Демад³⁹ сказал, что он управляет лишь «обломками государства». Так воскликнул Архилох:

... чтоб над островом нависший,
Камень Тантала исчез⁴⁰.

А Перикл требовал, «чтобы убрали бельмо с глаза Пирея»⁴¹, а Фокион сказал о победе, одержанной Леосфеном⁴²: «Короткую дистанцию ты пробежал прекрасно, но опасайся длинной!».

В Одним словом, политическое красноречие должно иметь больше благородства и величия. Я приведу в качестве образца этого жанра Филиппики⁴³ и некоторые из речей Фукидида — речь эфора Сфенелаида⁴⁴, речь царя Архидамы в Платее⁴⁵, речь Перикла после чумы⁴⁶. Но если дело идет об ораторских упражнениях в сочинениях Эфора⁴⁷, Феопомпа⁴⁸, Анаксимена⁴⁹, о прекрасных периодах, которые они произносят, вооружая и выстраивая своих воинов, позволительно воскликнуть:

Болтать пустое можно ль при оружии?⁵⁰

С 7. Это не означает, что шутка и насмешка не возможны подчас и в речах государственного человека, лишь бы дело не доходило до оскорблений и шутовства, а нападки и насмешки служили реальной цели. Этот прием в особенности уместен, когда необходимо ответить на возражения или сделать таковые. Но прибегать к нему обдуманно и дерзко — это означает желание вызвать смех любой ценой, с риском, к тому же прослыть злым человеком. Таковы остроты Цицерона, Катона Старшего и Эвксифея⁵¹, друга Аристотеля, которые нападали первыми. Но когда это оружие употребляется для самозащиты, то его оправдывает уместность, как бы извиняя его употребление. Известно несколько ответов Демосфена в этом роде. Один человек, обвиненный в воровстве, высмеял его за то, что он провел ночь за письменным трудом. «Я понимаю, — сказал ему Демосфен, — я тебе досадила тем, что держал зажженным светильник». Другой раз Демад⁵² вопил во всю мочь, что «Демосфен хотел проучить его, как свинья Афины»⁵³. «Эта Афина, — ответил оратор, — была захвачена в прошлом году за прелюбодеяние». Остроумный ответ дал Ксенопет⁵⁴ своим сограж-

³⁹ Афинский оратор IV в. до н. э., настроенный промакедонски. См. P l u t., Phoc. 1., где повторен этот же анекдот.

⁴⁰ Фр. 24 (Anthologia lyrica Graeca, ed. E. D i e h l, fasc. 3, Lipsiae, 1954).

⁴¹ Имеется в виду враждебный Аттике о. Эгина. См. P l u t., Per. 8.

⁴² Речь идет об одном из эпизодов Ламийской войны 323 г. до н. э., когда Леосфен был стратегом (P l u t., Phoc. 23).

⁴³ Имеются в виду четыре речи Демосфена против Филиппа II Македонского (IV, VI, IX, X по принятому счету), произнесенные в 352—341 гг. до н. э. Наиболее знаменитой в ораторском отношении считается 3-я Филиппика.

⁴⁴ Спартанский эфор-эпоним 432 г. до н. э., выступивший в народном собрании за войну с Афинами. См. T h u c., I, 86.

⁴⁵ T h u c., I, 80 сл.

⁴⁶ T h u c., II, 60—64.

⁴⁷ Известный греческий историк середины IV в. до н. э.

⁴⁸ Известный историк и общественный деятель IV в. до н. э.

⁴⁹ Из Лампсака. Историк первой половины III в. до н. э.

⁵⁰ N a u s c k, p. 441, fr. 22.

⁵¹ Малоизвестный афинский оратор эпохи Демосфена, речь которого за Эвбулида была им произнесена в 346 г. до н. э.

⁵² Об этом и предшествующем эпизоде см. P l u t., Dem. 11.

⁵³ Провербильное выражение — «свинья учит Афины» (или составляется с Афиной) см. T h e o c g., Idyll. V. 23. Пословица сохранилась на латинском языке: sus docet Minervam. См. C i c., Ad famil. IX, 18, 3.

⁵⁴ Ближе не известен.

данам, обвинявшим его в том, что, будучи полководцем, он бежал. «Вместе с вами!», — отвечал Ксененет.

Но употребляя насмешливые выражения, не следует некстати задевать слушателей или в речи обнаруживать подлость и низость, как обнаружил Демократ⁵⁵. Придя однажды в народное собрание, он сказал: «Я как наш город: во мне мало силы, но много воню». После сражения при Херонее он предстал перед народом и произнес: «Не хотел я, граждане, чтобы государство до того дошло, чтобы выслушивать мои советы». Первая острота говорит о низости, вторая — о безрассудстве. И ни то, ни другое не подходит для государственного деятеля.

Восхищались еще Фокионом за краткость его речи: это и заставило Полиэвкта⁵⁶ сказать, будто Демосфен — величайший оратор, но Фокион — сильнейший, поскольку он вкладывает наибольший смысл в наименьшее количество слов. И Демосфен, презиравший других своих соперников, обыкновенно восклицал, когда поднимался Фокион: «Вот поднимается топор на мои речи».

8. В особенности старайся употреблять перед толпой обдуманное, значительные и никак не пустые слова. Ты знаешь, что знаменитый Перикл просил у богов, выходя к народу, чтобы с его губ не сорвалось ни одно слово, постороннее предмету его речи. И все-таки для возражений необходима споровка на слова быстрые и легкие: ибо поводы и случаи меняются непрерывно и приносят с собой, в особенности в политике, множество неожиданностей. Поэтому Демосфен, как рассказывают, часто оказывался ниже многих, так как он не ко времени становился нерешительным и отступал. Феофраст рассказывает об Алкивиаде⁵⁷, что он при произнесении речи подыскивал слова и обдумывал не только то, что именно, но и как именно должен он говорить, вследствие чего запинался и попадал впросак. Тот же, кто, исходя из обстоятельств, умеет ловить нужный момент, тот глубоко воздействует на толпу, привлекает ее на свою сторону и переубеждает. Так, однажды прибыл Леонт⁵⁸ из Византия в Афины, раздираемые внутренней борьбой, чтобы вести там переговоры. Когда афиняне стали над ним смеяться за его небольшой рост, он вскричал: «А что бы вы сказали о моей жене, которая мне едва по колено?». Те стали смеяться еще больше. «Но как мы ни малы, — продолжал он, — когда мы между собою ссоримся, тогда нам с нею тесно и целый Византий». Так, когда оратор Пифей⁵⁹ выступил против почестей царю Александру, его упрекнули: «Ты молод говорить о столь важных делах!» — а он ответил: «Но ведь Александр, которого вы вашим решением хотите признать богом, еще моложе меня!»

9. Тот, кто посвящает себя политике, должен в этой беспощадной борьбе обладать голосом, полным силы и красоты, чтобы всякий раз не падать бессильным и подавленным от того, что его пре-

⁵⁵ Афинский оратор времен Демосфена. Отрывки из его речей см. Н. Саурре, *Orator. Attic. II, Turici, 1850, p. 320.*

⁵⁶ Афинский оратор, современник Демосфена и его сподвижник в борьбе против Македонии, вместе с которым он, вероятно всего, и погиб (в 322 г. до н. э.), хотя и был оправдан по делу об имуществе Гарпала, окончившемуся осуждением Демосфена (*P. T. G. v. e. s., RE, 42 Nб., стб. 1616.*)

⁵⁷ *Ср. Plu. t., Alcib. 10.*

⁵⁸ Современник и противник на политической почве царя Филиппа II Македонского. *Ср. Philost., V. sophist. I, 2.*

⁵⁹ Афинский оратор второй половины IV в. до н. э., соперник Демосфена.

взошел какой-либо

Буян, горлан, как мельница грохочущий ⁶⁰.

Когда однажды у Катона ⁶¹ не осталось надежды убедить народ или сенат из-за предвзятого отношения к его взглядам, он проговорил целый день и таким способом разрушил план своих противников.

О подготовке и произнесении речей этого довольно. А если бы еще что понадобилось, то рассудительный человек сообразит и сам.

D

10. Два пути приводят в политику. Один ведет быстро и с блеском к славе, но он усеян опасностями; другой верен и безопасен, но совершается медленно и неспешно. Некоторые начинали свою карьеру как бы бросаясь в море со скалы, каким-либо важным и видным, но дерзким подвигом. Они верили словам Пиндара:

В начале дела необходимо

Придать ему видный далеко блеск ⁶².

E

Потому что, как зрители борца, приветствует народ, пресытившийся надоевшим ему прежним вождем, нового человека, а быстро нарастающие блестящие его успехи подавляют зависть, ибо мгновенно просиявшая слава влечет за собой столь же мало зависти, как яркий огонь — дыма, говорит Аристон ⁶³. А тот, кто поднимается кверху медленно, наталкивается рано или поздно на сопротивление. Поэтому многие политические деятели увядали, еще не успев расцвести. Так, о Ладе ⁶⁴ говорили, что «в его ушах стоял еще шум старта» ⁶⁵, а на него уже возлагали победный венок.

F

Кто как глава посольства, как триумфатор или как стратег быстро добивается славы, над теми ни зависть, ни презрение не имеют силы. Так, стремглав завоевал славу Арат, начав свой путь низложением тирана Никокла ⁶⁶, и Алкивиад, добившийся союза с мантинейцами против лакедемонян ⁶⁷. Помпей ⁶⁸ требовал триумфа, прежде чем он был принят в сенат, и когда Сулла отказал ему в этом, он ответил: «Больше народа поклоняется восходящему солнцу, чем заходящему». Услыхав эти слова, Сулла более не сопротивлялся.

805 A

Не случайно избрал римский народ Корнелия Сципиона противозаконно консулом, хотя он добивался лишь эдилитета. Но это случилось потому, что все были поражены победой в единоборстве, которую он одержал юношей в Испании, и его героическими действиями в качестве военного трибуна в войне против карфагенян. Это и дало повод Катону Старшему произнести следующие слова:

Он лишь с умом, все другие смятенными тенями веют ⁶⁹.

⁶⁰ Aristoph., Equit. 137. У Аристофана слова эти относятся к Клеону.

⁶¹ Имеется в виду Марк Порций Катон Старший, консул 114 г. до н. э.

⁶² Olymp. VI, 4 sq.

⁶³ Под этим именем известно несколько философов эллинистического времени.

⁶⁴ Знаменитый спартанский бегун.

⁶⁵ Строка из Палатинской антологии (XI, 86), имеющая в виду удар о землю каната, преграждавшего стартовую дорожку. См. Plutarch's Moralia, ed. by N. N. Fowler, L., 1960, v. X, p. 191.

⁶⁶ Арат Сикийонский (271—213 гг. до н. э.), многократный стратег Ахейского союза. Премакедонски настроенного тирана Сикийона Никокла он сверг и убил в 251 г. до н. э. См. F. W. Walbank, Aratos of Sikyon, Camb., 1933.

⁶⁷ Союз был заключен в 420 г. до н. э. См. Plut., Alcib. 14 sq.; Thuc., V, 43—47.

⁶⁸ О домогательстве Помпея и позиции Суллы более подробно см. Plut., Pomp. 14.

⁶⁹ Hom., Od. X, 495.

При нынешнем положении наших полисов не представляется больше возможным отличиться в качестве полководца, тираноубийцы или устроителя союзов. Остаются только открытые суды или руководство посольствами к императору, так как эти дела нуждаются в человеке, соединяющем присутствие духа и сноровку. Некоторые добрые старые обычаи наших городов, пришедшие в забвение, можно было бы вновь оживить, а привычки, развившиеся к стыду и во вред городу, искоренить и этим привлечь к себе внимание. Также и другие достойные действия облегчали некоторым людям дорогу: разумное ведение некоторых важных судебных дел, честность при защите слабых против могущественных противников в суде или свободное слово в защиту справедливости против нетерпимого правителя. Нередко иные достигали успеха в борьбе против завистливых и опасных людей: ведь сила побежденного тотчас переходит к победителю и увенчивает его тем большей славой. Но если борьба с выдающимся, испытанным и способным человеком ведется лишь из зависти, как борьба Слимия ⁷⁰ с Периклом, Алкмеона ⁷¹ с Фемистоклом, Клодия ⁷² с Помпеем и оратора Менекида ⁷³ с Эпаминондом, то она не приносит ни славы, ни пользы. Если народ обошелся неправильно с хорошим человеком и затем, как водится, раскаялся в этой вешышке, то быстрейшим и справедливейшим оправданием представляется ему расправа с зачинщиком и подстрекателем. А испровергнуть негодяя, подчинившего грубым насилием город, как Клеон в Афинах или Клеофонт ⁷⁴, восстав против него и лишив его власти, — это и есть настоящее восхождение на политическую сцену.

Известно также, что некоторые добивались славы и власти посредством подавления ненавистного олигархического правления, как Эфиальт в Афинах или Формион у элейцев ⁷⁵. Но подобное политическое начинание приносит предпринимающему его поначалу особые опасности. Лучше начал свое дело Солон. Государство тогда разделилось на три части: диакриев, педиеев и паралиев, как они именовались. Он не примкнул ни к одной из них, вернее, заботился обо всех, словом и делом добиваясь между ними согласия, так что ему было поручено создание законов для примирения сограждан, что и легло в основу его власти. Таковы различные пути, ведущие наиболее явным способом к государственной деятельности.

11. И все же многие мужи из числа знаменитых избирали более верный и спокойный путь: Аристид, Фокион, Паммен из Фив, Лукулл в Риме, Катон, Агесилай лакедемонянин ⁷⁶. Подобно плющу, растущему на мощных деревьях, которые он обвивает, в юности своей и безвестности они примыкали к носителям древних и знаменитых имен. Поднимаемые постепенно наверх их могуществом,

⁷⁰ Ближе не известен.

⁷¹ Афинянин, отец Леобота, выступившего в качестве обвинителя Фемистокла. P l u t., Themist. 23. См. также А. Ф. Т ö r f f e r, Attische Genealogie, В., 1889, стр. 244.

⁷² Римский народный трибун 58 г. до н. э. и популяр, выступил против Цезаря и Помпея, с которым, однако, примирился в 56 г. до н. э.

⁷³ Беотиец, один из освободителей Фив в 379 г. до н. э. Позднее интриговал против Эпаминонда и Пелопида (P l u t., Pelop. 25).

⁷⁴ Афинский демократический деятель и стратег в последние годы Пелопоннесской войны. Казнен по ложному обвинению в 401 г. до н. э. (X e n., Hell. I, 7, 35).

⁷⁵ Настоящий текст является основным источником для характеристики политической деятельности Формиона из Элиды, ученика Платона, о котором у Плутарха еще идет речь в Cons. ad Apoll. 32; 112 fr. Ср. также А г i s t., Pol. V, 6, 1306а.

⁷⁶ Спартанский царь Агесилай II (около 444—360 гг. до н. э.).

они утверждали свои собственные позиции в государстве на прочной и верной почве. Аристид возвысился при Клифене, Фокион при Хабрии ⁷⁷, Лукулл при Сулле, Катон при Фабии Максиме, Паммену содействовал Эпаминонд ⁷⁸, а Агесилаю — Лисандр. Правда, Агесилай из-за непомерного честолюбия и зависти оттолкнул вскоре своего покровителя в делах. Но другие обладали порядочностью и политической мудростью настолько, чтобы оказывать своим руководителям почтение и прославление до самого их конца, в то время как они сами, подобно небесным телам, освещенным солнцем, размножали далее приобретенный ими блеск.

Сципиона именовали его завистники не более как лишь театральным исполнителем геройств, действительным творцом которых был-де его друг Лелий ⁷⁹. Но Лелий не возгордился подобными словами и на протяжении своей жизни продолжал умножать честь и величие своего друга Сципиона. Друг Помпея Афраний ⁸⁰, несмотря на низкое происхождение, мог рассчитывать на свое избрание консулом. Но так как Помпей был заинтересован в других людях, он отказался от этих претензий, так как стать консулом без согласия и поддержки Помпея хотя и означало для него блеск и честь, но принесло бы еще больше неприятностей. Впрочем, ему пришлось ждать всего лишь один год, чтобы достигнуть консульства, оставаясь в то же время другом Помпея. Тот, кто подобным образом, руководимый другими, приходит к славе, завоевывает любовь народа, и даже в случае неудачи он испытывает меньше ненависти. Поэтому и Филипп дал Александру совет заводить друзей, пока он еще не царь, чтобы поддерживать с разными людьми дружеские и деловые отношения.

12. При выборе покровителя начинающий государственный деятель должен ориентироваться не на одни только славу и власть, но также и на моральные качества, посредством которых эта сила и власть добыты. Так же как не каждое дерево терпит обвивающую его и стремящуюся вверх виноградную лозу, скорее даже удушьяет ее и мешает росту, так и в государстве люди, лишённые благодарности, но любящие должности и почести, не оставляют никакой возможности отличиться молодым людям, стремящимся к возвышению, но из зависти лишают их славы и этим как бы ущемляют их и обездоливают. Так, Марий, обязанный Сулле многими успехами в Ливии, а потом и в Галлии из зависти к взлету его популярности порвал с ним всякие отношения ⁸¹. В качестве предлога ему послужила история с перстнем-печатью. Когда Сулла во время своей квестуры находился с консулом Марием в Ливии и был послан им к Богху ⁸², ему удалось привести пленником Югурту, и, будучи юным и честолюбивым, он не мог соблюсти скромность при таком счастье, а заставил изобразить выдачу ему

⁷⁷ Афинский стратег, прославившийся многими предприятиями (во Фракии, Пелопоннесе, на Эгине, Кипре, в Египте и в Беотии).

⁷⁸ Другое чтение: Ἐπαμεινώνδας δὲ Παρμένης.

⁷⁹ Квинт Лелий Старший, которому Сципион был обязан многими предприятиями II Пунической войны (P o l y b., IX, 1; XV, 9; L i v., XXX, 33).

⁸⁰ Луций Афраний действовал вместе с Гнеем Помпеем в Испании в 75—72 гг. до н. э., а в 66—63 гг. до н. э. — в Азии. Консульства при поддержке Помпея он достиг в 60 г. до н. э. Подробности о его дружбе с Помпеем см. P l u t., Ромр. 44.

⁸¹ Разрыв отношений между ними относится явно к более позднему времени, поскольку Сулла продолжал служить под командой Мария в качестве легата и военного трибуна во время второго и третьего консулата Мария (104 и 103 гг. до н. э.).

⁸² Мавретанский царь, тесть нумидийского царя Югурты, искавший союза с римлянами против своего зятя (S a l l., Jug. 103 sq).

Югурты как символ его геройства на перстне, который он стал после этого носить⁸³. Марий поставил это ему в вину и отстранил от себя. Сулла соединился тогда с Катулом⁸⁴ и Метеллом⁸⁵ — почтенными мужами и противниками Мария, а потом, начав гражданскую войну, он принудил Мария к изгнанию и кончил междоусобную войну лишь когда Рим стоял уже на краю гибели. И напротив, сам Сулла приветствовал Помпея с первых его шагов: он встал перед ним и обнажил голову, когда тот, младший, к нему приблизился. Так же точно Сулла давал и другим молодым людям возможность отличиться на руководящих постах. Некоторых увлекал он вперед даже против их воли. Так наполнил он свое войско чувством усердия и честолюбия и приобрел власть над всеми, потому что он не хотел быть единственным властвующим, а только между многими великими — быть первым и величайшим. Вот с такими людьми необходимо вступать в самую тесную связь и держаться за них, не перехватывая, однако, у них славы. Не надо брать пример с королька в басне Эзопа, где он на плечах орла взлетел на воздух, а затем внезапно устремился ввысь и опередил его: не следует похищать тайно славу великих людей, а нужно перенимать ее по дружбе и единодушию, ибо господствовать, по словам Платона⁸⁶, может только тот, кто прежде как следует научился подчиняться.

13. Далее, следует выбирать себе друзей, но не так, как это делали Клеон и Фемистокл. Когда Клеон принял решение посвятить себя политической деятельности, он собрал своих друзей и объявил им, что более он им не друг, потому что друзья могли бы смягчать строгость его решений и сбивать его с правильного пути. Он бы сделал лучше, если бы изгнал из своей души жадность и придирчивость и очистил бы себя от злобы и зависти. Ибо государству необходимы не мужи, лишённые друзей и товарищей, а честные и разумные люди. А он прогоняет от себя друзей — и вместо этого

Лижущих сотня голов льстецов вокруг него завывает,

как говорят комедиографы⁸⁷. Грубый и жестокий по отношению к спокойным гражданам, он сделался рабом черни, чтобы быть с нею в доброй дружбе:

Сопроводитель стариков, готовых действовать за плату⁸⁸,

это был именно он, кто, опираясь на убогую и низкую чернь, выступал против лучших граждан. А Фемистокл, наоборот, в ответ на чьи-то слова, что от него ждут правления справедливого и равного ко всем, воскликнул: «Избави меня бог от такого поста, на

⁸³ Ср. изложение этого анекдота в Плутарховой биографии Мария (гл. 10), где сказано, что Сулла носил этот перстень постоянно, и в биографии Суллы (гл. 3).

⁸⁴ Ср. P l u t., Mar. 23 и 27.

⁸⁵ Ср. P l u t., Mar. 10.

⁸⁶ Leg. 762E.

⁸⁷ Эта характеристика относится Аристофаном (A r i s t o p h., Eir. 756).

⁸⁸ Эти слова представляют собой пародию на соответствующую строку из «Пелея» Софокла (N a u s k., p. 239, fr. 447), принадлежащую неизвестному комедиографу (быть может, впрочем, Аристофану, как предполагает Plutarch's Moralia, ed. by H. N. Fowler, X, p. 203). Ср. К о с к, III, p. 400. «Сопроводитель стариков» (γερωνταγωγός) должен быть понят как служащий раб. Так и характеризует Клеона Плутарх в биографии Никия (гл. 2): «Клеон становился все более влиятельным, ухаживая за «стариком-демосом».

котором от меня ⁸⁹ друзья уносили бы меньше, чем враги!». И он поступал также несправедливо, когда обещал друзьям пользу от своей политики, а интересы государства приносил в жертву собственным желанием и привязанностям. Однако когда Симонид добивался от него какого-то противозаконного действия, Фемистокл ему ответил: «Как хороший поэт не должен нарушать стихотворного размера, так справедливый правитель не должен в порядке одолжения нарушать законы». И вправду: если матросов выбирает кормчий, а кормчего — судовладелец, люди которого

Править на судне рулем и ловко парус поставить
Могут, когда на него бурные волны несутся ⁹⁰,

и если зодчий избирает подмастерий и ремесленников, какие не погубят его труда, но соединятся для наилучшей работы, то было бы впрямь страшно подумать, что государственный деятель, этот, по словам Пиндара: «искусный мастер, творец прав и законности» ⁹¹, не захотел бы с самого же начала избрать для себя соответственно настроенных друзей и помощников, которые подобно ему были бы одушевлены любовью к добру, а избрал бы таких людей, которые бы насильно и бесчестно склонялись к иным поступкам. Не все ли это равно, как если бы строитель или плотник по неумению или безразличию захотел бы употребить такие угольники, отвесы и линейки, что строение должно было бы начать искривляться в стороны? Ибо живые и мыслящие инструменты суть для государственного деятеля его друзья, и он должен не отступать вместе с ними, но, напротив, заботиться о том, чтобы они не могли отступить по неведению.

Именно отсутствие этого повредило Солону в глазах его сограждан. Именно когда он задумал осуществить снижение долгов и произвести «сейсахфию» — это было смягченным обозначением для «отмены долгов», то он посвятил в этот план также и своих друзей, они же использовали это для мошенничества: они поспешно набрали займы большие суммы денег, а когда вскоре затем был обнародован закон, то оказалось, что они купили великолепные дома и большие земельные угодья именно на эти взятые займы деньги и Солон, который при этом и сам был обманут, оказался обвинен в соучастии ⁹².

Агесилай ⁹³, когда он бывал тесним просьбами своих друзей, терял всю свою силу и все свое достоинство. Он поступал, как Пегас у Эврипида:

Склонясь, он больше уступал, чем нужно ⁹⁴.

При их ошибках он им оказывал содействие с преувеличенным жаром, позволяя людям думать, будто он принимает участие в их беззакониях. Он спас Фебида ⁹⁵, обвиненного в самовольном захвате Кадмеи, заявив, что подобные предприятия могут совершаться

⁸⁹ παρ'ἐμοῦ; другое чтение: παρ'ἐμοί.

⁹⁰ Callim., fr. 382. (Callimachus, ed. R. Pfeiffer, v. 2, Oxf., 1953).

⁹¹ Pind., fr. 57.

⁹² Этот анекдот почти в тех же выражениях присутствует в «Афинской политике» Аристотеля (гл. 6), из чего надо заключить, что именно она послужила источником для Плутарха. Более подробное изложение этого факта читатель найдет в Плутарховой биографии Солона (гл. 15).

⁹³ Спартанский царь Агесилай II (399—360 гг. до н. э.).

⁹⁴ Из утраченной драмы «Беллерофонт» (Nauck, p. 451, fr. 309).

⁹⁵ Фебид захватил в 382 г. до н. э., по тайному соглашению спартанских эфоров и фиванских олигархов, Кадмею (Xen., Hell. V, 4, 41 sq.; Dio., XV, 33, 6).

и по собственной инициативе. Сфодрий ⁹⁶ едва не попал под суд за незаконное и опасное действие — нападение на территорию афинян, бывших тогда друзьями и союзниками; но Агесилай, уступив любовным просьбам сына Сфодрия, повернул все так, что жалоба была оставлена без последствий. Наконец, рассказывают об одной записке Агесилая некоему царьку ⁹⁷ такого содержания: «Если Никий ⁹⁸ невинен, отпусти его, если же он виновен, то отпусти его ради меня. Но в любом случае отпусти его».

808A

Фокион, напротив, не пожелал отправиться в суд вместе со своим зятем Хариклом ⁹⁹, который должен был оправдываться по делу о преступлениях Гарпала, а попрощался с ним со словами: «Я потому и принял тебя в свойство, что верил в то, что ты во всех делах окажешься честен...».

B

А Тимолеон Коринфский, ни разумными советами, ни просьбами не отговорив своего брата отказать от тирании, присоединился к его убийцам. Недостаточно быть другом лишь до алтаря ¹⁰⁰, отказываясь лишь от совместного клятвopреступления ¹⁰¹, как сказал однажды Перикл. Нужно быть другом лишь до порога законности, справедливости и общественной пользы. Не признавать этого, значит ввергнуть свою общину в большие несчастья. Так, безнаказанность, обеспеченная Сфодрию и Фебиду, была главной причиной вовлечения Спарты в войну, приведшую к поражению под Левктрами. Но резко преследовать друзей за незначительные поступки было бы не в интересах политического смысла. Допустимо, чтобы при условии соблюдения интересов государства была бы великодушно оказываемая помощь друзьям и содействием и хлопотами о них. Существуют такие проявления дружбы, которые не вызывают недоброжелательства, например, предпочтение, оказываемое другу при определении на должность, при назначении на какой-либо почетный пост или руководство каким-либо дружественным посольством для изъявления почтения управителю провинции или для установления мирных и дружественных отношений с каким-либо городом. Но если дело идет о каком-либо трудном, но значительном и важном действии, то государственный деятель должен сначала принять его на себя, а потом, как Диомед ¹⁰², привлечь друга:

C

Если же мне самому друга избрать вы велите,
Как я любимца богов, Одиссея героя забуду? ¹⁰³

⁹⁶ У Диодора (XV, 29, 5) — Сфодрид; около 375 г. до н. э., будучи гармостом Феспий, он совершил нападение на Аттику, неудачно попытавшись захватить Пирей. По Диодору, предпринятое это было спровоцировано Клеомбротом, который вместе с Агесилаем защитил его перед эфорами, требовавшими над ним суда (P l u t., Ages. 25; Pelop. 14; Xen., Hell. V, 4, 20 sq.).

⁹⁷ Ср. P l u t., Ages. 13; Aporphth. Lacon. 16, где говорится, что эта записка была адресована карийцу Гидрию (другое чтение в Reg. et imper. aporphth., Ages. 8: *ἰκαριέως*).

⁹⁸ Ближе не известен.

⁹⁹ Был привлечен по делу Гарпала, от которого получил 30 талантов на сооружение памятника его покойной дочери Пифиовики (P l u t., Phoc. 29). В 319 г. до н. э. приговорен вместе с Фокионом к смертной казни, но спасся бегством (P l u t., Phoc. 33 sq.).

¹⁰⁰ *ἄχρι τοῦ βωμοῦ* — proverbialное выражение, в точности соответствующее латинскому *usque ad aras*.

¹⁰¹ *τῷ μὴ συνεπτορχεῖν*. Эти слова предположительно считаются интерполированными. См. Plutarch's Moralia, ed. by H. N. Fowler, X, p. 208, n. 3.

¹⁰² Mифический герой, сын Тидея и Деипилы, участник Троянской войны. Знаменит своей храбростью, в пылу которой он ранил самого Ареса. H o m., Il. V, passim.

¹⁰³ H o m., Il. X, 242 sq.

А Одиссей возвращает хвалу со всей благожелательностью назад:

Эти же, старец почтенный, вновь приплыше в стане троянском
Кони — фракийцев; владетеля их Диомед наш могучий
Смерти предал и двенадцать сподвижников, все родовитых! ¹⁰⁴

Д Подобные послабления в отношении друзей украшают восхваляющих не меньше, чем восхваляемых, «самодовольство же, — по словам Платона, — подруга одиночества» ¹⁰⁵. Поэтому нужно позволять друзьям принимать участие в изъявлении благодарности и удовлетворения, побуждая восхваляемых хвалить в свою очередь тех, по чьему совету были они восхвалены сами.

Е Дурные и неуместные требования друзей следует отвергать мягко, а не резко, давая понять и убеждая в том, что требования эти не совместимы с их же честью и добродетелью. Более всех заслуживает похвалы Эпаминонд, отказавшийся выпустить из тюрьмы, несмотря на настояния Пелопида, одного плута-кабатчика. Он его отпустил немного погодя, уступив просьбам своей любовницы, со словами: «Такого рода милости, о Пелопид, более приличествует оказывать блудницам, а не полководцам». Резко и презрительно ответил Катон ¹⁰⁶, когда цензор Катул ¹⁰⁷, его ближайший и лучший друг, попросил отпустить человека, осужденного Катонем во время его квестуры: «Было бы постыдно, если бы тебя, который должен для нас, младших, служить примером благонравия, моим служителям пришлось отсюда выдворить». Впрочем, Катон мог бы, отклоняя эту просьбу, сделать это и без грубых и оскорбительных слов, дав лишь понять, что отвергает эту просьбу и причиняет это огорчение не по своей воле, а в силу закона и справедливости.

809 А У государства имеются для оказания помощи нуждающимся друзьям правителей вполне достойные возможности. Когда Фемистокл после сражения заметил труп с золотым ожерельем и золотыми гривнами на шее, сам он прошел мимо, но, обратившись к другу, сказал: «возьми это себе, ведь ты не Фемистокл». Такие возможности помочь друзьям обстоятельства предоставляют государственному деятелю часто. Ведь не все же Менемахы ¹⁰⁸. Поэтому одному можно поручить руководство выгодным, но справедливым делом, другого можно свести с богатым человеком, нуждающимся в попечении и покровительстве, третьему можно посдействовать в получении подряда на выгодное дело. Эпаминонд послал друга к одному богачу, приказав взять с него талант по его, Эпаминонда, распоряжению. Когда же богач пришел и спросил о причине такого распоряжения, Эпаминонд ответил: «Потому что он честный, но бедный человек, а ты богач, присвоивший много государственного добра». И Агесилай, пишет Ксенофонт ¹⁰⁹, гордился тем, что обогатил многих друзей, сам же относился к богатству с презрением.

¹⁰⁴ Н о м., II, X, 558—560.

¹⁰⁵ P l a t., Epist. IV, 321 В.

¹⁰⁶ Марк Порций Катон, именуемый Утическим или Катонем Младшим (95—46 гг. до н. э.). См. о нем в его Плутарховой биографии.

¹⁰⁷ Квинт Лутаций Катул, консул 78 г. до н. э. Его цензура падает на 65 г. до н. э.

¹⁰⁸ См. прим. 1.

¹⁰⁹ X e n., Ages. 4.

14. Так как, по словам Симонида ¹¹⁰, «нет жаворонка без хохолка», то и всякая государственная деятельность связана с раздорами и враждой. Поэтому государственному деятелю следует предвидеть и это обстоятельство. Многие восхваляли Фемистокла и Аристида за то, что они, отправляясь вместе с посольством или в качестве стратегов, оставляли на границе свою взаимную вражду, чтобы снова к ней обратиться по возвращении.

С

Некоторые же воздавали еще большую хвалу Кретину из Магнезии. Его политическим противником был Гермий ¹¹¹, человек не могущественный, но честолюбивый и возвышенной души. Когда в начале Митридатовой войны Кретин увидел свой город в опасности, то предложил Гермию принять на себя власть, а сам обещал уйти в изгнание; если же Гермий полагает, что командовать должен он (Кретин), то пусть в изгнание уйдет он сам, дабы их вражда не погубила город. Гермий принял предложение и, заявив, что Кретин лучший, чем он, полководец, покинул город с женой и детьми. Кретин же дал ему не только сопровождение, но и то из своего имущества, что полагал более полезным для изгнанника, чем для осажденного. Прекрасно руководя военными действиями, он отстоял город, на сохранение которого уже никто не надеялся. Если благородны и великодушны слова:

D

Родиной больше еще, чем детьми, дорожу я ¹¹²,

то каждый из них мог бы сказать: «Я его ненавижу и желаю ему всяческого зла, но родина мне дороже». Ибо не примириться с противником в таком положении, когда приходится жертвовать даже другом, было бы звериной жестокостью. Но не лучше ли еще поступали Фокион и Катон и им подобные, не допуская, чтобы личная вражда примешивалась к политическим противоречиям? Когда они бросались в политическую борьбу ради общественной пользы с непримиримой страстью, в личных отношениях с противниками обходились они человеколюбиво и дружелюбно. Ибо никто не должен видеть в согражданине врага, если только он, подобно Аристиону ¹¹³, Набису или Катилине, не представляет для государства чумы и бедствия. Если же возникают расхождения с людьми другого рода, то, как делают музыканты, должно по мере надобности натягивать или отпускать струны, приводя их в общее согласие, не ставя заблуждающимся в укор их ошибки, в злобе и гневе, но кротко, как Гомер:

E

F

Мыслил, о друг, я доньше, что разумом ты превосходишь
Всех... ¹¹⁴

¹¹⁰ Фр. 68 (Вегк, III, р. 398).

¹¹¹ Имеется в виду Магнезия на Сипиле (W. Otto, RE, VIII, 1913, стб. 730 s. v.), а не ошибочно принимаемая некоторыми исследователями Магнезия на Меандре (Mittelhaus, ук. соч., стр. 24). Оба названных политических деятеля Магнезии были вождями двух проримских, однако враждебных кланов. Речь идет о времени I Митридатовой войны (89—84 гг. до н. э.). О сопротивлении Магнезии Митридату упоминает еще Аппиан (Mithr. 24).

¹¹² Фрагмент, с известной вероятностью относимый к трагедии «Эрехтей» Эврипида (слова эти могла произнести Пракситея, жена Эрехтея) (Nau, р. 918, fr. 412).

¹¹³ Афинянин с философским образованием, последователь Эпикура. Посланный Архелаем, полководцем Митридата, в 88 г. до н. э. в Афины для агитации в его пользу, захватил в Афинах власть. Аристион успешно оборонялся против римлян и добился союза со Спартой и Ахейским союзом. По взятии Суллой Афин в 86 г. до н. э. укрепился на акрополе, но из-за недостатка воды был вынужден сдаться и был казнен Суллой (App., Mithr. 28—30; Strabo, IX, 393; Plut., Sylla, 12).

¹¹⁴ Ном., II., XVII, 171.

или

Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам промыслить ¹¹⁵.

И если они обнаруживают себя дельными в словах и поступках, не следует ни завидовать их славе, ни скупиться на похвалы по поводу их прекрасных успехов ¹¹⁶. Это лишь придает убедительности порицаниям, если к ним придется прибегнуть, и живее станет сопротивление злу, если ясно будет, насколько добродетель в них достойнее и уместнее.

810 А Я, во всяком случае, требую от любого государственного мужа, чтобы он в справедливых случаях свидетельствовал в пользу своих врагов и на суде защищал их против доносчиков, не давая веры клеветническим заверениям, противоречащим тому, что он знает сам относительно намерений противников.

В Незадолго перед тем как знаменитый Нерон из страха и ненависти уничтожил Тразею ¹¹⁷, он сказал, однако, некоему жалобщику на чрезмерно жестокий приговор, вынесенный ему Тразеей: «О, если бы любовь Тразеи ко мне была столь же велика, как его судейская безупречность!». Кто склоняется к порокам в силу естественных людских побуждений, тем не мешает подумать с оглядкой на своего благородного противника: «он никогда бы этого не сделал или не сказал». А другим в их заблуждениях хорошо напомнить об их прекрасных предках, как это говорится у Гомера:

Нет, Тидей породил не себе подобного сына! ¹¹⁸

Или как Аппий заявил Цициону Африканскому ¹¹⁹ во время избирательной борьбы, когда они выступали соперниками: «Как бы ты застал, о Павел, в Подземном царстве (ὑπὸ γῆς), если бы узнал, что добивающийся цензуры сын твой имел в качестве телохранителя публикана Филоника» ¹²⁰. Подобные слова являются увещанием для заблудшего и честью для увещателя. Политическим был ответ Неспора на поношения Аянта у Софокла ¹²¹:

С Тебя я не хулю: ты дело доброе
Злой облакаешь речью...

Покуда Помпей в союзе с Цезарем, насильственно господствовал в государстве, Катон был его злейшим врагом, но когда между ними началась война, Катон потребовал, чтобы Помпею была передана власть, утверждая, что тот, кто причинил государству большое зло, сам должен и устранить его.

Если порицание соединяется с похвалой, оно оказывается целебным и поощрительным. Откровенное, но не высокомерное сло-

¹¹⁵ Н о м., II. VII, 358.

¹¹⁶ Райзке исключает *καλοῖς*.

¹¹⁷ Публий Клодий Тразея Пет, консул-суффект 56 г. Будучи привержен к стоицизму, пользовался славой свободомыслящего и независимого человека. Автор биографии Катона Утического, направленной против Цезаря. Покончил самоубийством в 66 г., будучи обвинен по распоряжению Нерона в государственной измене (S u e t., Domit. 10; T a s i t., Agric. 2).

¹¹⁸ Н о м., II. V, 800. Слова эти относятся к Диомеду, сыну Тидея.

¹¹⁹ Аппий Клавдий Пульхер, консул 143 г. до н. э., обращается к родному отцу Цициона Младшего — Луцию Эмилию Павлу.

¹²⁰ Другое чтение *Φιλονείκος* (Reiske) — римский публикан II в. до н. э.

¹²¹ N a u s k., p. 312, fr. 771.

во вызывает не гнев, а душевную боль и раскаяние, но не ранит и не озлобляет. А оскорбления менее всего подходят для государственного деятеля. Посмотри, как Демосфен отзывался об Эсхине, а Эсхин о Демосфене, или что писал Гиперид против Демада и каким языком пользовались Солон или Перикл, Ликург Спартанский или Питтак Лесбосский¹²². Хотя Демосфен и прибегал к бранным словам, но только лишь в судебных речах, а Филиппики свободны от сарказма и от грубого балагурства. Подобные выражения бесчестят более тех, кто их произносит, чем тех, к кому они относятся; кроме того, они вносят расстройство в дела государственных советов и народных собраний. Поэтому я одобряю Фокиона, который в ответ на чью-то брань прервал свою речь, а когда бранивший замолчал, то поднялся снова: «Итак, — сказал он, — вы слышали о всадниках и о гоплитах, мне остается теперь рассказать о пельгастах и легковооруженных». Многие, правда, не могут при таких обстоятельствах продолжать говорить о деле, и часто бывает бесполезно заставить замолчать бранящихся каким-либо кратким ответом, без досады и без гнева, спокойным и одобренным какой-либо шуткой, но достаточно острой. Такие ответы наилучшим образом возвращают упрек нападавшему: как стрелы возвращаются снова к тому, кто их послал, словно отражаемые крепостью и твердостью получившего удар, так и оскорбления возвращаются обратно к нападающему благодаря остроумию того, в кого они были нацелены.

Таков ответ, данный Эпаминондом Каллистрату¹²³, попрекнутшему фиванцев и аргивян отцеубийством Эдипа и матереубийством Ореста: «Но мы их изгнали, а вы их приняли». На слова афинянина: «Часто мы вас отгоняли от Кефиса» спартанец Анталкид ответил: «А вот мы вас никогда — от Эвроты»¹²⁴. На свой грубый выкрик: «Афиняне тебя убьют» Демад¹²⁵ получил от Фокиона остроумный ответ: «Меня — если потеряю рассудок, тебя же — если его сохранят». Оратор Красс на замечание Домиция¹²⁶: «Разве ты не плакал над муреной, околевшей в твоём рыбном садке?» ответил: «А ты разве не похоронил трех жен, не всплакнув ни разу?». Такие ответы хороши также и в других случаях жизни.

(Продолжение следует)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ПРИЛОЖЕНИЮ

Bergk — Poetae Lyrici Graeci, ed. W. Th. Bergk, I—III, Lipsiae, 1919—1923
 Kock — Comicorum Atticorum Fragmenta, ed. Th. Kock, I—III, Lipsiae, 1880—1888
 Nauck — Tragicorum Graecorum Fragmenta, ed. A. Nauck, 2. Aufl., Lipsiae, 1889

¹²² Митиленский тиран (около 651—569 гг. до н. э.) причислялся к семи мудрецам (Herod., I, 27; Diog. Laert., V. S., I, 74, 81; Strabo, XIII, 617).

¹²³ Афинский государственный деятель и стратег, а также известный оратор IV в. до н. э.

¹²⁴ Кефис — река в Афинах, Эврот — в Спарте.

¹²⁵ Промакедонски настроенный афинский политический деятель эпохи Александра Македонского.

¹²⁶ Быть может, один из членов большой семьи Домициев Агенобарбов, процветавшей в конце республики.